

у Данте, у Руставели, у Мистрала, писателей столь разных эпох и национальностей объединяет сознание важности того, как они передают свои мысли и чувства на родном языке. В истории нашей отечественной филологии этим вопросом интересовались, в частности, и академик А. Н. Веселовский, прекрасный этюд о котором содержится в книге В. Ф. Шипиловой¹⁰.

Публикация «Избранных статей» В. Ф. Шипиловой обогатила нашу фи-

¹⁰ См.: П. К. Симони, Библиографический список учено-литературных трудов А. Н. Веселовского с указанием их содержания и рецензий на них (1859—1906 гг.), Пг., 1922.

Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение,
изд. пятое, перераб. и дополн. — М., «Просвещение», 1972. 415 стр.

Вышло в свет пятое издание книги Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение». Эта книга — наиболее авторитетное руководство для всех, кто интересуется русской фонетикой в любом ее аспекте. Она несколько раз издавалась за границей. Пятое издание «Русского литературного произношения» существенно отличается от предшествующих изданий во многих отношениях. В состав книги введены подробные таблицы, в которых даются правила «перехода» от звука к букве и от буквы к звуку. Новым является также включение звукового иллюстративного материала в виде пластинок с записями отдельных звуков и звуко сочетаний и связанных текстов. К сожалению, эти звуковые иллюстрации сопровождают лишь часть тиража. Хотя рецензируемая книга, как пишет сам Р. И. Аванесов, «не есть русская фонетика» (стр. 3), в ней тем не менее содержится краткий очерк звуковой системы и даны некоторые артикуляционные характеристики звуков (схематические «профили» артикуляций, полученные на основании рентгенографических съемок и приведенные в «Альбоме артикуляций звуков русского языка» М. И. Матусевич и Н. А. Любимовой — М., 1963). В книге содержится в виде описаний и рекомендаций обширный фактический материал. Очевидно, что это оптимальный вариант книги такого рода.

Книга предназначена для студентов педагогических институтов, но на деле сфера ее использования и теоретическое значение много шире и важнее. По существу это подробное и обстоятельное изложение современной литературной нормы в ее орфоэпической части. Сопоставляя нынешнее, пятое издание с предыдущими, легко обнаружить присталь-

ную интерес автора к постоянному изменению нормы, которое возникает в связи со сложными взаимодействиями различных сфер современной устной речи. От издания к изданию Р. И. Аванесов производит ряд уточнений и изменений в рекомендациях по норме. Если в первых изданиях, например, допускалось старомосковское произношение типа *се* [p'x], *не* [p'v]ый, то теперь единственным вариантом признается новое произношение типа *се* [px], *не* [p]ый. По сравнению с предыдущим изданием 1963 г. отмечаются некоторые уточнения: теперь специально оговаривается, что вариант *авбик* [к'ь], восходящий к старомосковским нормам, стилистически маркирован (стр. 155) и не может рекомендоваться в качестве нормы обычной речи (в предыдущем издании он рассматривается как равноценный форме *авбик* [к'и]).

Ориентация на обычную речь, на узу, постоянно намевающий норму, — важная особенность книги. По существу, на протяжении четверти века произошел заметный отход литературной нормы от ряда специфических черт старого московского эталона (отраженного полнее всего в известной монографии Р. Кошутыча, от описательной части которой во многом зависели рекомендации Р. И. Аванесова в его первом издании) — и этот отход можно проследить на сравнении пяти изданий книги. Даже в пятом издании автор постоянно оговаривает исключения из обычной нормы, некоторые отклонения от принятого произношения, устанавливая варианты допустимых колебаний (например, в части ассимилятивной мягкости согласных, в произношении возвратной частицы *ся* (сь), в произношении безударных гласных первого предударного слога после шипящих и т. д.),

Р. А. Будагов

что позволяет шаг за шагом представить картину современного этапа изменения нормы. Р. И. Аванесов осторожен в своих рекомендациях, он тщательно взвешивает все возможности произношения в его отношении к фонологической системе современного русского языка и в связи с грамматической его системой. Идею сложного взаимодействия разных сфер современного говорения еще более обогащают частые отсылки к просторечному, диалектному, наконец, к «акцентному» в устах иностранца произношению.

В стилистической разработке вопросов произношения автор оперирует двумя маркированными стилистическими сферами говорения, выделяя три стиля произношения. Конечно, неподготовленному читателю удобнее ориентироваться в высоком стиле архаически-книжного варианта (к которому в практических рекомендациях относится и язык современной сцены), отличая его от разговорного стиля обыденной речи. Однако с теоретической точки зрения такое разграничение встречает возражения. В самом деле, в противопоставлении к нейтральному (т. е. единственно нормативному) произношению всякая маркировка стилистического плана однозначна, независимо от того, связана она с более высоким или с более низким по отношению к нейтральному стилю вариантом. Стилистическая оппозиция не может не быть бинарной: возможные внутри маркированной сферы реализации определяются уже на этих основаниях, не связанных с фонетической системой языка. Разговорный стиль проявляется в словах разговорного стиля, высокий стиль — в словах высокого стиля; [з'и]тёж с иканьем более свойственно слову разговорного плана (еканье дало бы диалектную вариацию), [д'е^н]рабть с еканьем более свойственно слову высокого плана (иканье придало бы произношению слова разговорную окраску). По существу, в этом выражено авторское отношение к характеру нормативности: орфоэпическая норма не ограничена узкими сферами собственно фонетики. Однако в этом же кроются и некоторые сложности теоретического характера. Если даже слова нейтрального стиля «в соответствии со стилем высказывания в целом могут оформляться либо по нормам нейтрального стиля, либо по нормам одного из окрашенных стилей» (стр. 19), в классификацию включается вторая точка отсчета: необходимо разграничивать стиль речи и стиль произношения. Трехчастность в делении на стили произношения идет со стороны грамматики и лексики, в самой фонетической системе противопоставления стилистического характера обычно парным. В нашем случае выбор между еканьем и (литературно условным) иканьем в произношении двух слов разных стилистических сфер на нейтральном уровне ней-

трализуется не в третьем возможном варианте, а в одном из представленных здесь: в произношении высокого стиля. Мы можем сказать, что противопоставления высокого стиля разговорному нет, такое противопоставление не выражается фонетическими средствами — оно передается сознательным выбором одного из двух возможных вариантов, так или иначе связанных с нейтральным стилем. Выделение в этом последнем строгого и свободного произношения (стр. 21) фактически устанавливает связь между строгим нейтральным и высоким, с одной стороны, и свободным нейтральным и разговорным, с другой. Двойственность самого понятия «нейтральный стиль» в некоторых случаях влечет за собою сложность и в практических рекомендациях. Кстати, в этих рекомендациях намечена действительная противопоставленность нейтрального стиля всем прочим возможностям стилистически окрашенного произношения: как только тот или иной вариант произношения уходит из сферы общеобязательного нейтрального, он одинаково свободно может начать употребляться и в высоком, и в разговорном, и даже в просторечном — крайности сходятся (см. стр. 155), поскольку утрачивается собственно фонетическая основа противопоставления. В тенденциях развития русской нормы хорошо показано совпадение обоих маркированных стилей именно на основе их стилистической маркировки, в их общем противопоставлении нейтральной норме.

Хотя Р. И. Аванесов подчеркивает практическую направленность книги, читатель, интересующийся фонологическими проблемами, найдет в ней богатый материал для размышлений. Ияснение произносительных норм во многом обусловлено системными отношениями. Так, позиция согласных перед [е], которая ранее рассматривалась как позиция различения по твердости — мягкости, теперь может интерпретироваться иначе: «если ранее перед [е] мягкие — твердые согласные не различались..., то после приобретения многими заимствованными словами с твердым парным согласным перед [е] общепарного характера твердые и мягкие парные согласные в этом положении стали различаться» (стр. 186). Это определяется общefonологическим статусом противопоставления твердых и мягких согласных, охватывающего практически все возможные сочетания согласных с гласными. Приводимые Р. И. Аванесовым факты изменения старых норм, как и сама оценка этих изменений, свидетельствуют о том, что в борьбе между традиционным произношением некоторых слов и форм слов и нормами, определяемыми фонетическими закономерностями современного русского языка, побеждают, как правило, последние. Именно этим может быть объяснена и

несомненно наблюдающаяся сейчас унификация, стандартизация местных разновидностей литературного произношения: речь идет не только о большом сближении (иногда даже просто совпадении) московского и ленинградского вариантов русской орфоэпической нормы, но и о широком распространении достаточно единообразного литературного произношения, не являющегося ни «московским», ни «ленинградским» в их чистом виде.

Говоря о роли системных, лингвистических факторов в образовании литературной нормы, Р. И. Аванесов не забывает и об источниках ее засорения: глубокое знание диалектных явлений дает возможность не только описать происхождение тех или иных нормативных явлений, но и предупреждать об опасности диалектного произношения в конкретных случаях.

В связи с этим аспектом книги встает и другой общелингвистический вопрос — о возможности предсказания, экстраполяции тех фонетических явлений, которые, быть может, в недалеком будущем станут нормативными, хотя с современной точки зрения, безусловно, должны оцениваться как диалектные или просторечные. Можно привести пример произношения безударного гласного в начале слов типа *эвент*, *эгоизм*, *экономика*, *эксперимент* и т. д. В этих случаях Р. И. Аванесов рекомендует произносить звук [e], но не *я* [i] (стр. 175) — [e]гоизм, а не [i]гоизм. Однако наблюдения показывают, что в этих случаях очень часто произносится гласный [y]: такое произношение подкрепляется сильно выраженной тенденцией не произносить вообще в безударных слогах гласный [e], с другой стороны — невозможностью для говорящего употребить в этой позиции самый передний гласный [i]. Не можем ли мы предсказать, что произношение такого рода со временем будет признано нормативным? Кто в настоящее время должен и может считаться носителем литературной нормы? В какой мере речь, которую мы слышим в театре, по радио и телевидению, удовлетворяет орфоэпическим требованиям? Какие диалектные явления наиболее интенсивно — через городское просторечие — проникают в литературную норму? Ответы на эти вопросы требуют не только тщательного статистического анализа фонетических фактов, но и специального психолингвистического исследования существующих у носителей современного русского языка представлений о «правильности» речи. Книга Р. И. Аванесова является тем основанием, на котором может быть построено исследование такого рода.

В пятое издание книги включена новая часть под названием «Справочный отдел». Этот новый отдел весьма обширен: он занимает 162 стр. текста книги. Новый

отдел включает в себя вводные замечания о буквах и звуках, краткий очерк русской графики и орфографии и две таблицы: 1) Правила чтения. Таблица «От буквы к звуку» и 2) Правила написания. Таблица «От звука к букве».

Обстоятельные таблицы правил чтения и написания с четким подразделением «от буквы к звуку» и «от звука к букве» — значительное явление в теории и практике русской орфоэпии и письма. Такие таблицы в 1938 г. были созданы Л. В. Щербой для французского языка в кн. «Фонетика французского языка». Для русского же языка подобные таблицы сделаны впервые: таблицы Д. Н. Ушакова (в кн. «Русское правописание», 1911) и А. Н. Гвоздева (в кн. «Основы русской орфографии», 1947) о звуковых значениях русских букв, а также таблица «Правила чтения букв и буквенных сочетаний», составленная Л. В. Щербой (в кн. «Грамматика русского языка», I, 1952) представляют только один аспект вопроса и могут считаться лишь известным прообразом таблиц, предложенных Р. И. Аванесовым.

Таблица «От буквы к звуку» составлена в алфавитном порядке — указания, как читается буква, сделаны с точным описанием положения буквы в слове; звуки, произносимые на месте той или иной буквы, характеризуются очень детально: оттенки гласных, например, описываются и в безударном и в ударном положении (с дифференциацией окружения их определенными согласными). В таблице «От звука к букве» звуки расположены в следующем порядке: гласные, сонорные, зубные, губные, зубные шумные, заднеязычные, шипящие и [ц], [ж] — [й]. Звуки перечисляются с большой детализацией оттенков их произношения.

Пропуски в таблицах носят частный характер. Ни в таблице, ни в тексте книги не указано чтение буквы *о* после *ч* в безударном слоге на конце слов, например, *палáцо*, а также в первом предударном слоге: *цокóчет*, *цокóчит*. В таблице не раскрыто чтение буквы *о* после *ч* и во втором предударном слоге, хотя оно указано в тексте книги, причем с рекомендуемым произношением трудно согласиться. Указано, что в словах *цокотáть*, *цокотáха* произносится такой же звук, какой произносится на месте буквы *а* в словах типа *царедвóрец* (стр. 64). Нам кажется, что случаи эти все же разные.

Обе таблицы выполнены на звуковом, фонетическом уровне. В предисловии к пятому изданию Р. И. Аванесов пишет, что справочный отдел «много выиграл бы, если бы соотношения между произношением и правописанием строились, исходя из фонологической системы русского языка. Однако практический

характер книги не позволил автору этого сделать» (стр. 3—4). Возможна и другая точка зрения, в соответствии с которой единственно соответствующим общему содержанию книги, освещающей русское литературное произношение, является выполнение таблиц именно на звуковом, фонетическом уровне. Это и выигрышно, и правильно, и очень нужно. Но, действительно, более уместен был бы фонологический подход при описании системы русской графики и русской орфографии, которые мы находим в кратком очерке, предшествующем рассмотренным таблицам. Впрочем автор книги, используя понятие сильных фонем (с их заместителями в слабых позициях), в известной степени этот подход провел.

В кратком очерке русской графики и орфографии компактно изложены теоретические основы русского письма. Объяснение особенностей русской графики, в частности ее слогового принципа, сопровождается удачными обобщающими схемами (стр. 198—203). Положение о слоговом (силлабическом) принципе русской графики в настоящее время является общепризнанным. Существуют частные расхождения во взглядах на звуковые значения русских букв. Так, В. А. Богородицкий, И. А. Бодуэн де Куртене, А. Н. Гвоздев считали, что слоги типа *са, су, с* с одной стороны, и слоги типа *ся, сю, с* с другой, одинаковы в отношении своей неразложимости, «силлабемности»: чтение любой буквы парного по твердости — мягкости согласного «проясняется» только в сочетании с последующей буквой гласного, буквы согласных сами по себе не обозначают ни мягкости, ни твердости согласного (или, точнее, обозначают либо тот, либо другой), о значении, в частности, твердого согласного у букв, парных по твердости — мягкости согласных, сигнализируют последующие буквы типа *а, у* либо пробел. Р. И. Аванесов постулирует другое положение: «Будем исходить из того, — пишет автор, — что каждая из этих букв (*н, б, в, ф* и т. п. — *авт.*) сама по себе обозначает соответствующий твердый согласный» (стр. 197). Эта исходная позиция не позволила автору дать внутренне непротиворечивое объяснение системы русской графики. Противоречивой оказалась прежде всего трактовка маркированности — немаркированности букв *и* и *ы*, а также «несиллабемности» слогов типа *са, су, сы*.

Исходный постулат привел еще к одному особенно существенному противоречию: противоречию определяется звуковое значение букв, парных по твердости — мягкости согласных. Так, например, значение *[в]* у буквы *в* названо первичным значением (стр. 208), значение же *[в']* наряду с *[ф]* и *[ф']* — вторичным, хотя, по определению («Первичное значение — это то, которому соответствует произношение данного звука в сильной позиции» —

стр. 208), значение *[в']* должно было бы также оказаться первичным: звук *[в']* так же, как и *[в]*, может быть в сильной позиции (ср. *вал* и *вял*).

Как большую удачу автора хотелось бы отметить четкость терминологии, позволяющую все время различать два плана описания — буквы и звуки. Автор не употребляет широко принятых названий букв: «гласные буквы», «согласные буквы», а называет их «буквы гласных», «буквы согласных» (с детализацией: буквы звонких согласных, буквы глухих и т. д.). Впрочем полностью избежать терминологического смешения этих двух планов не удалось (см. стр. 198—199, 213, 214, 228—231).

Основы русского правописания изложены автором на фонемной основе: «Одна и та же буква обозначает как сильную фонему, которая выступает в сильной позиции, так и ее заместителей в слабых позициях... В связи с единством написания морфем при фонемном письме последнее нередко называют морфологическим» (стр. 207).

Раскрывая основы русского правописания, автор исходит из понятия фонемы, как она трактуется в московской фонологической школе (в книге представлен один из вариантов этой теории). Признавая право автора на такую трактовку, отметим только, что нам трудно согласиться с замечанием автора на стр. 190: «Русское правописание... строится во всех своих основных чертах на принципе, который обычно принято не совсем точно называть морфологическим». Если исходить из других теоретических оснований в трактовке фонемы, в частности из того понимания фонемы, которое представлено в чербовском фонологическом направлении, то для называния основного принципа русской орфографии подходит термин «морфологический». Русское же и сь сьмо в целом (как «тип письма»), безусловно, письмо фонемное и в этом качестве противопоставлено письму пиктографическому и идеографическому.

В «кратких вступительных замечаниях к таблицам» (как на стр. 210 называет сам автор свой очерк о русской графике и орфографии) Р. И. Аванесов не только изложил основы русского письма, но и высказал критические замечания по поводу отдельных недостатков нашего правописания, подчеркнув, что его замечания, отражающие его личное мнение, «направлены на то, чтобы читатель сам (а может быть, и по-своему) осмыслил сложные отношения между устной речью и письмом»: практических выводов, указывает автор, из этого делать не следует (стр. 210). Пользуясь предоставленным читателю правом, изложим иной взгляд на употребление буквы *ь* после букв пишущих.

Р. И. Аванесов считает, что буква *ь* после букв шипящих пишется по традиции и в настоящее время не имеет не только фонетического значения, но и морфологических функций. Автор полемизирует с теми, кто утверждает, что буква *ь* различает *дочь* и *врач* как слова женского и мужского рода, *плачь* и *плач* как повелительную форму глагола и существительное и т. д. Р. И. Аванесов считает, что грамматическое различие существует независимо от наличия или отсутствия буквы *ь*. С последним нельзя не согласиться. Но можно не согласиться с оценкой бесполезности и ненужности буквы *ь* после букв шипящих.

Представляется, что буква *ь*, фонетически отнюдь не необходимая, употребляется прежде всего не как сигнал различия, а как специфически письменный графический уравниватель однозначных морфологических категорий: она обеспечивает единство написания некоторых форм, способствующее быстроте зрительного восприятия (в настоящее время не без основания говорят о «зрительной модальности») и более удобному аналогическому написанию ряда форм (*ночь*, как *ель*, — так как *ели*, *елью*... *ночи*, *ночью*; но *врач*, как *стол*, — так как *стола*, *столом*... *врача*, *врачом*; *стричь*, как *пилить*, *речьми*, как *дверьми*, *плачь*, как *кинь*, *плачьте*, как *киньте*). Благодаря активному отвердению губных в случаях типа *готовыться*, *экономить* написание буквы *ь* на наших глазах также превращается здесь из фонетического в аналогическое.

Грамматическое различие является следствием графического уравнивания морфологических категорий. Еще в 1887 г. в «Курсе грамматики русского языка» В. А. Богородицкий указывал именно на графически уравнивающую функцию буквы *ь* после букв шипящих. Д. Н. Ушаков в своем «Русском правописании» выдвинул на первый план результат этого уравнивания, назвав употребление буквы *ь* грамматическим сигналом (хотя и подчеркивал, что различительная функция буквы *ь* предназначена «только для глаза и никак не для уха»). Очевидно, неплохо было бы «оживить» толкование В. А. Богородицкого, сопроводив его новым термином для названия функции буквы *ь* после букв шипящих. Принцип ее употребления в этом случае можно было бы назвать, например, принципом грамматико-графических аналогий.

Особого внимания заслуживает «Озвученное приложение к учебному пособию». К книге приложено 12 пластинок, из которых 1—6 пластины посвящены

произношению отдельных звуков и их сочетаний — как изолированных, так и в составе слов; 7—9 пластины содержат тексты, помещенные в самой книге (эти тексты приведены в транскрипции и с подробными комментариями); 10—12 пластины — эти тексты, состоящие из стихотворных и прозаических отрывков русских поэтов и писателей (от А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова до Л. И. Мартынова и А. А. Ахматовой). Тексты приводятся в исполнении дикторов О. С. Висоцкой и Ю. С. Ярцева. Значение этих текстов для практического обучения русскому произношению трудно переоценить — можно только выразить сожаление по поводу того, что озвученным приложением снабжена лишь часть тиража, предназначенная для зарубежных стран (эта часть тиража вышла в издательстве Blücker-Verlag, Düsseldorf, 1972). Потребность в таком приложении и в пределах нашей страны очень велика — речь идет не только о проблемах обучения русскому произношению в республиках и краях Советского Союза, но и о стандартизирующей роли таких записей в занятиях по орфоэпии, проводимых со студентами — будущими учителями русского языка.

Конечно, в такой большой книге имеются высказывания, вызывающие возражения или желание уточнить некоторые исходные положения. Когда речь идет об икании как о недопустимом способе произношения безударных гласных на месте орфографического *е*, у читателя может возникнуть предположение, будто бы икающее произношение — это произношение в безударном слове такого же [и], какое произносится в ударном. На самом деле, в случае соблюдения законов редукации, в безударном слове на месте орфографических *и* и *е* произносится гласный, фонетически значительно отличающийся и от того, и от другого в ударных слогах. Некоторые рекомендации в транскрипционной записи противоречивы, с некоторыми вообще трудно согласиться (например, *ц'а'ет*).

Однако такого рода частные и даже общие спорные места неизбежны в научной и описательной работе любого жанра. Введение новых разделов книги, а также и принципиально объективный подход к описываемым изменениям орфоэпической нормы сделали пятое издание качественно новой и превосходной работой, не имеющей пока аналогии в отечественной описательной фонетике.

Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая,
В. Ф. Иванова, В. В. Колесов